

Андрей Буторин

DARIUSZ LAKOM
PHOTO

ЗА КРАЕМ ЗЕМЛИ И НЕБА

Андрей Буторин

За краем земли и неба

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Буторин А.

За краем земли и неба / А. Буторин — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Мир, в котором всегда светло и тепло, хорошо плодоносит земля, нет дождя и ветра, нет войн и прочих несчастий – разве это не рай? И к чему будоражить свой и чужие умы глупыми вопросами: «Есть ли у земли край? Что там, за этим краем?» Но Учитель задал эти вопросы и был изгнан из селения возмущенными жителями. Искать край земли отправился с ним лишь один ученик – Хепсу. Там, за краем земли и неба, они поняли главное: разум – главная загадка мироздания, а жить можно не только «здесь и сейчас», но и – «везде и всегда».

Содержание

Часть 1. Учитель и мальчик	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Буторин

За краем земли и неба

Фантастический роман

(Обновленная авторская версия)

Моим детям посвящается

Мне так бы хотелось, хотелось бы мне
Когда-нибудь, как-нибудь выйти из дому
И вдруг оказаться вверху, в глубине,
Внутри и снаружи – где все по-другому.

В.С. Высоцкий

Часть 1. Учитель и мальчик

Глава 1

Хепсу проснулся от гулких ударов сердца по ребрам. Он даже испугался сперва, что этот громкий стук разбудит маму. Но сознание выпуталось из липких нитей сна окончательно, и Хепсу вспомнил, что мамы нет. Давно нет... А потом он понял и то, что грохочет вовсе не сердце. Звук доносился с улицы, из проема окна. Теперь Хепсу узнал его: так вибрирующе-резко, скрипяще-надтреснуто мог грохотать только один предмет в селении – дусос новостной башни. Обрубок ствола дерева с тем же названием, после того как из него удаляли волокнистую съедобную мякоть, а оболочку высушивали, при ударе по нему палкой гремел, словно куча булыжников, летящих с крутой горы. А будучи подвешенным под крышей высокой каменной башни, его громоухание можно было услышать далеко за пределами селения.

Мальчик поморщился – от скрипучего грохота заныли зубы. Хепсу и сам делал дусосы – конечно, не такие огромные, в рост человека, как этот, зато и звучащие не столь противно. Наоборот, Хепсу тщательно выбирал стволы нужной ширины, подгонял длину, с тем чтобы каждый дусос издавал красивый звук, и чтобы каждый звенел по-своему. Мальчик глянул вверх и улыбнулся. Два десятка толстых деревянных трубок свисали с перекладины вдоль стены, ожидая, когда юный хозяин пробежится по их звонким бокам крепкими палочками.

Хепсу никому не показывал, как он это делает, даже Учителю. Почему – он и сам не мог ответить. Скорее всего потому, что так не делал никто в селении, а раз это не нужно никому из взрослых, значит, это бесполезное занятие, детская игра. Впрочем, дети тоже не забавлялись ничем подобным. Во всяком случае, Хепсу об этом не знал. Правда, он придумал еще одну забаву. Если срезать молодой, тонкий побег дусоса, освободить его от мякоти и дуть поперек среза, зажав другой конец пальцем, то получался веселый звонкий свист. Мальчик просверлил острым камнем дырочки рядком в небольшой деревяшке, подобрал несколько разных по толщине и длине дудочек и вставил их в отверстия, выровняв по верхним краям, а нижние концы трубок заткнул пробками из коры. Теперь можно было дуть, быстро поднося к губам разные маленькие дусосы, и звуки при том получались очень интересные. Эту игрушку Хепсу показал друзьям, только им она почему-то совсем не понравилась.

Но дусос новостной башни не был игрушкой. По нему мог стучать только взрослый, и только когда нужно было сообщить что-то важное людям или предупредить жителей о грозящей опасности. Обычно по дусосу били, когда в селении вспыхивал пожар, или когда домашней живности угрожал очередной набег стаи азоргу.

Хепсу высунулся по пояс в окно. Покрутил головой, принялся. Дымом не пахло. Даже очаги возле хижин не дымили – видимо, еще было очень рано, все жители до тревожного грохота спали. Хепсу зевнул. Ему тоже хотелось спать. Но, видать, теперь долго не придется. Ведь не зря кто-то всех разбудил! Вряд ли этот «кто-то» хочет сообщить какую-нибудь ерунду вроде того, что состоится чья-то свадьба, родился очередной житель, или наоборот – умер. Для этого есть бессонница. Обычно такие новости сообщаются ближе ко сну, когда все уже вернется с работ, отдохнут, насытятся.

Значит, азоргу? Хепсу опять закрутил головой. Нет, так просто азоргу не увидишь! Они быстрые, юркие и очень хитрые. То прижмутся к самой земле, станут одним с ней цветом, и шустро завьются над ней на гибких и сильных лапах; то застынут, прижавшись к стене ли,

к дереву, к камню ли – ни за что не отличишь зверя от неделимой части хижины, ствола или скалы, пока не подойдешь к нему вплотную.

Хепсу убрал из окна голову, сел на лежанку, почесал лохматую макушку, еще раз зевнул, тряхнул черными космами, прогоняя сон окончательно, и наконец-то принял здоровое решение: чем гадать, лучше сразу пойти к новостной башне и все узнать.

К центральной площади уже подтягивался народ. Шли молча, устремив напряженные взгляды на башню, откуда все еще раздавались звуки дусоса. Многие из мужчин несли копья, пращи, луки – мысль о нападении азоргу пришла в голову не одному Хепсу. Женщин было мало, большинство из них остались дома, с детьми. Лишь одинокие да самые любопытные семенили по улочкам, торопясь выслушать новость и тут же разнести ее по селению. В общем-то всем жителям и не было смысла идти к новостной башне – достаточно было десятка-другого таких вот добровольных «глашатаек».

Хепсу быстро, почти бегом приближаясь к башне, также вглядывался в человеческую фигурку на верхней площадке, неустанно колотящей палкой по дусосу. В такт ударам раскачивалась белая голова. Прежде чем смог разглядеть лицо человека, Хепсу по этой светлой шевелюре узнал Учителя. Поняв, что на башне Ачаду, мальчик невольно сбавил шаг. Как же так? Как осмелился Учитель на такое? После того, что случилось вчера...

Это началось не вчера, гораздо раньше. Вчера лишь все закончилось. Что послужило толчком, после которого события покатались под гору, кувыряясь и бешено набирая скорость, Хепсу не мог знать точно. Но почему-то ему казалось, что именно он приложил к тому руку. От этой мысли спине становилось зябко, а кожу покрывали пупырышки.

Тогда в селение прибыли торговцы из города. Они приезжали довольно часто, раз в три-четыре десятка междусоний, но раньше Хепсу не задумывался об одной вещи... А теперь странное измышление вдруг пришло в голову. Наверное, не прошли даром уроки Ачаду. Тот не уставал повторять ученикам: «Я могу рассказать вам много, но я не смогу рассказать вам все. И никто не расскажет вам обо всем, потому что знать все невозможно. Но у каждого из вас есть голова, а она нужна не только для того, чтобы класть в нее лепешки. В первую очередь голова предназначена для измышлений. Думайте, думайте, думайте! Всегда и обо всем. В любом предмете и явлении уже заложен ответ на любой ваш вопрос. Надо лишь уметь его найти, увидеть, понять. Измышляйте! Старайтесь не только найти ответы, но и придумать новые вопросы. На какие-то вы сами когда-нибудь сумеете ответить, на многие, надеюсь, смогу ответить я. Некоторые, возможно, пока останутся без ответа. Главное – не бояться волнующих вас вопросов. Страшно, когда у человека никаких вопросов нет...»

И вот Хепсу придумал вопрос. Вернее, он сам неожиданно возник в голове и не захотел уходить из нее, не получив ответа. Тогда мальчик и обратился к Учителю. Но почему-то не стал спрашивать при всех, а дождался Ачаду после занятий.

– У меня есть вопрос, Учитель.

– Это хорошо, – кивнул Ачаду. – Спрашивай.

– Почему торговцы приезжают к нам всегда с той стороны? – Хепсу махнул рукой туда, где находился по его представлению город. Учитель именно так и ответил:

– Потому что в той стороне город.

– Разве городов нет там, там и там? – Мальчик ткнул пальцем вправо, влево, за спину.

Учитель свел к переносице неестественно черные – в противовес цвету волос и бороды – брови.

– Насколько мне известно, нет.

– Но как же так? Ты сам говорил нам, что у земли нет края, что она бесконечная... Раз так, города должны быть везде.

Ачаду положил ладонь на плечо мальчика.

– Молодец! Измышляешь правильно. Города и селения, конечно же, есть повсюду. Я выразился неточно, сказав «нет». Надо было сказать: «Есть, но далеко». К тому же, там, как ты видишь, горы. – Учитель показал на синеющие в далекой туманной дымке вершины. – Везти через них товары опасно и сложно.

– А там точно есть города? Ты был за теми горами, Учитель?

– Я – нет. Но там бывали люди из нашего селения, давно, когда я был таким, как ты сейчас...

– И они видели там города? – нетерпеливо перебил Хепсу.

– Нет... Они нашли там цветущую долину. За ней, очень далеко, увидели цепь холмов.

– А за холмами?

Ачаду пожал плечами:

– Туда они не пошли.

– Почему? Разве им не интересно было увидеть новые города, узнать, живут ли там люди?

– Наверное, это интересно не всем. Те люди были охотниками. Им интересно было узнать, есть ли там места для охоты. Оказалось, что в долине, кроме розаликов, нет никакой живности. Они и вернулись.

– А мне – очень интересно! – В глазах мальчика вспыхнули огоньки. – Другие города, другие люди... Земля бесконечная – значит, на ней может быть столько всего необычного! – Хепсу вдруг потупил взор и закончил шепотом: – Ведь мой отец тоже с других мест...

Ачаду вздохнул и провел рукой по волосам ученика.

– Ты ведь и не помнишь его...

– Мама рассказывала... – начал мальчик и вдруг осекся. Учитель принял реакцию Хепсу за боль по утерянным родителям и решил сменить тему:

– Говорят, ты придумал новую забаву. Играешь словами... Не хочешь показать?

Мальчик смутился. Опустил голову, буркнул:

– Все смеются... Тебе не понравится.

– Я уже говорил: мне нравится все новое, что измышляют мои ученики. Я не стану смеяться. Покажи!

Хепсу судорожно вздохнул. Кашлянул. Начертил большим пальцем ноги загогулину в дорожной пыли. А потом заговорил – странно, ритмично, словно загремела по каменистой дороге повозка, только тихо, едва слышно:

– Живем мы не вечно —
в конце умираем,
Чтоб в вечности нам отдохнуть.
Земля – бесконечна?
Дойти бы до края
И смело за край заглянуть!¹

Ачаду разинул рот и уставился на ученика расширившимися глазами.

– Как это у тебя получилось?!

– Просто. – Хепсу нарисовал еще одну загогулину в пыли. – Я измышлял о бесконечности земли. Но я никак не мог себе это представить. В голове перемешалось много картинок и слов. Я запутался. А потом расставил слова и картинки красиво. Только я все равно не смог представить бесконечность.

¹ Здесь и далее – стихи автора.

– Бесконечность и впрямь сложно представить, – покачал головой Учитель. – Мне это тоже не удастся... – Он вдруг замолчал, пошевелил бровями и спросил осторожно, будто стесняясь: – Как ты сказал? «Дойти бы до края»?..

– Да, – кивнул мальчик. – Так бы мне было понятней.

– Понятней? – хмыкнул Ачаду и собрался было что-то добавить, поднял уже руку, но тут же и опустил, а сам промолчал. И стал сосредоточенным и серьезным. Его черные брови вновь сомкнулись у переносицы.

На другой день он вел уроки, будучи явно рассеянным. То и дело замолкал посреди фразы, задумчиво смотрел куда-то вдаль, потом вновь продолжал говорить, но уже совсем о другом, порой забывая напрочь о теме урока. А еще через день он впервые сказал это...

– Ученики! – торжественно произнес Ачаду, войдя в учебную комнату. – То, что я говорил вам ранее о земле, не соответствует истине! Земля не бесконечна. Она имеет края.

В комнате стало очень тихо. Но совсем ненадолго. Затем ученики враз зашумели, завертели головами, наблюдая за реакцией соседей. В глаза Учителю никто почему-то взглянуть не решался, словно всем вдруг стало ясно, что тот смертельно заболел, но не догадывается об этом.

– Тихо! – хлопнул Ачаду в ладоши. – Урок продолжается! Сейчас я познакомлю вас с моим новым измышлением.

Шум постепенно затих. Ученики по-прежнему старались не встречаться взглядами с Учителем, но вертеться перестали.

– Вы можете представить бесконечную землю? – раздраженно, будто продолжая спор с невидимым собеседником, спросил Ачаду и вцепился в завитки белой бороды. Ему явно некуда было деть руки. Словно начатый разговор доставлял ему неудобство и досаду. – Кто может? Встаньте! Расскажите всем! – Учитель обвел взглядом комнату, задержав его пару мгновений на Хепсу. Мальчик невольно опустил глаза.

Ачаду выждал немного и продолжил, уже смягчившимся, словно извиняющимся тоном:

– Вот видите, никто не может. А небо? А воду? Их вы можете представить бесконечными?

Ученики нестройно зашумели, некоторые неуверенно закивали. Ачаду улыбнулся:

– Вот видите! Конечно, нельзя утверждать, что если мы не можем чего-нибудь представить, то этого не может быть. Наверняка существует много такого, о чем мы не смеем даже мечтать, что не может нам даже присниться. И все же... Если чему-то, какому-то явлению, материальному образованию или абстрактному измышлению есть два объяснения, одно из которых можно ясно представить, а другое не поддается здравому рассудку, то выбирать следует первое. Скорее всего оно и будет верным. Так почему мы должны идти против нашего разума? Почему должны верить тому, чего наш рассудок не в силах даже представить? Потому что так говорят все и всегда? Но кто сказал им об этом? Кто-нибудь доказал, что земля бесконечная? Как это можно вообще доказать? У кого-нибудь есть идеи?

– Это можно доказать, только... – начал кто-то и замолчал, испугавшись собственной храбрости.

– Ну-ну, продолжай! – поддержал смельчака Учитель. – Кто это сказал? Я жду продолжения.

– Это сказал я, – поднялся Хепсу. – Мое измышление такое: чтобы доказать, что земля не имеет края, нужно попытаться его найти. Если идти бесконечно, а край земли не будет найден, значит, его нет.

Ученики засмеялись, тыча в мальчика пальцами. Ачаду тоже улыбнулся, жестом позволяя Хепсу сесть.

– А ведь в словах Хепсу звучит истина, – сказал он, дождавшись тишины. – Действительно, лишь двигаясь прямолинейно и *бесконечно*, можно доказать бесконечность земли. А разве такое возможно? Разве кто-нибудь мог проделать такое? Почему же все утверждают, как о само собой разумеющемся, о бесконечности земли? Ведь куда разумней выглядит утверждение, что земля имеет край. Да, она очень большая. Может быть большая настолько, что человеческой жизни не хватит, чтобы дойти до ее края. А может быть, ее край находится за теми горами, – показал Учитель на туманные вершины, виднеющиеся за окном. – Ведь даже за них почти никто из живущих в нашем селении не заглядывал! Как можно рассуждать о какой-то бесконечности? – Ачаду постоял в задумчивости и продолжил: – Я представляю картину мира так: существует бездонное и безбрежное озеро... Ведь вы согласились, что бесконечную воду еще как-то можно если не представить, то осознать? Над озером раскинулось бесконечное небо... Наверное, никто не станет отрицать, что оно и впрямь бесконечно, ведь в нем ничего нет, кроме вечного света. Оно всегда одинаково глубоко и ярко – и в босонницу, и во время сна. Никогда на людской памяти не случалось такого, чтобы небо представало в виде чего-то материально осязаемого, или чтобы оно потемнело, изменило цвет... Так вот, слушайте внимательно мое измышление! В бесконечном озере под бесконечным небом лежит земля. Может быть, она круглая, может – имеет бесформенные края, но она конечна. Она лежит в бесконечном озере подобно острову, или плывет по нему, словно лодка в озере обычном. А в этой лодке сидят рыбаки – мы с вами.

Ученики снова зашумели, стали крутиться, обмениваясь мнениями. Но это был уже не возмущенный шум, теперь дети смотрели на Учителя не с сожалением и испугом, а восхищенно. И взглядов от его глаз они больше не отводили. Он объяснил им то, о чем никто из них раньше не мог и помыслить, и объяснил так, что они смогли это представить.

А на следующий день занятий не было. Старейшина селения, узнав об измышлении Ачаду, лишил его права быть Учителем. Мало того, неожиданное возмущение жителей, подогретое гневными проповедями старейшины, привело к тому, что хижину Ачаду по-звериному рычавшие мужчины раскатали по бревнышку, а самого бывшего Учителя едва не растерзали озверевшие подстать мужьям женщины. Лишь тот же старейшина смог остановить расправу.

Все это было так странно! Мирные в общем-то жители, которым, по большому счету, было глубоко наплевать, какая на самом деле земля – и вдруг повели себя словно дикари. Лишь дети не поддались общему психозу и наблюдали за действиями родителей и соседей с настоящим ужасом.

Странно было и то, что старейшине удалось столь легко завести толпу и не менее просто погасить вспыхнувший пожар безумия.

Старейшина вообще был загадкой селения, разгадать которую никто и не пытался. Казалось, он был всегда. Даже самый старый (после него, разумеется) житель помнил этого человека с самого детства. Был старейшина местным жителем, или пришел издалека – об этом тоже никто не знал. Даже одет глава селения был иначе, нежели остальные жители. Собственно, одежды как таковой из-за постоянно теплой погоды никто и не носил – лишь оборачивали бедра тряпичными повязками. Старейшина же всегда с ног до головы был закутан в большой отрез серой ткани.

Но сейчас вниманием всех завладел Ачаду с его безумной теорией. Утихомиренные старейшиной жители разошлись в конце концов по домам и хижинам, а бывший Учитель остался посреди кучи бревен и мусора на месте его прежнего жилища. Жена Ачаду ушла вместе с другими, бросив напоследок на мужа полный презрения взгляд.

И вот теперь Учитель стоял на площадке новостной башни, гордо задрав к небу белую бороду. Он отставил уже палку, которой стучал до этого по дусосу. Подождал, пока площадь перед башней заполнится людьми, которые, будто стесняясь вчерашней агрессии, разглядев наверху Ачаду, опускали глаза и замолкали. Лишь легкий шепоток пробежал порой по рядам.

Наконец и Ачаду опустил голову. Но не стыдливо потупив глаза, а напротив – с вызовом устремив взгляд на толпу. Он подождал еще немного, словно надеясь, что люди наконец-то поднимут к нему лица. Но этого не случилось, и бывший Учитель крикнул:

– Посмотрите на меня! Что же вы? Вчера вы были смелее!

Но даже прямое обращение к жителям не возымело действия. Тогда Ачаду мотнул бородой и начал излагать, тщательно проговаривая фразы, будто на уроке:

– Пусть я потерял в ваших глазах уважение, но я продолжаю уважать вас. Как людей, как своих земляков, родителей моих учеников... И я не перестал уважать себя. Мало того, я собираюсь вернуть себе и ваше уважение. Я по-прежнему уверен, что мое измышление верно – земля имеет край! – Он поднял руки, останавливая начавшийся было ропот. – Да, у земли есть край, и я докажу вам это! Я отправляюсь к краю земли. Пусть мне для этого придется потратить остаток жизни, но я дойду до этого края! А если не дойду... если не успею дойти, то это еще не значит, что я ошибался. Просто это будет означать, что край земли – очень далеко, и путь к нему занимает больше времени, чем длится моя жизнь. Я хочу, чтобы вы поняли это! И еще я очень хочу, чтобы вы научились думать. Сами. Хотя бы чуть-чуть.

Учитель поднял с пола площадки большой кожаный тюк, продел руки в широкие лямки, в довесок к тюку забросил за плечи мешок поменьше и уверенно зашагал вниз по ступеням витой каменной лестницы.

У Хепсу вдруг екнуло сердце. Еще не осознавая полностью неожиданно принятого решения, он ринулся к дому, юрким азоргу рассекая людскую толпу.

Глава 2

На гребне холма Хепсу остановился. Посмотрел назад. Холм, на котором он стоял – один из бесконечной сплошной цепочки подобных, окаймляющих долину, – был невысок и почти лыс, лишь жалкие клочки бурой спутанной травы редкими островками покрывали его голую вершину. Зато позади, до самых мутно-синих гор в далеком далеке, откуда два междусонья назад спустились они с Учителем, расплескалось в две стороны бесконечности однотонное зеленое озеро густого пахучего разнотравья с круглыми островами кустарников. Учитель говорил, что за краем земли тоже начинается озеро, настоящее, водяное, но бесконечно глубокое и без второго берега.

Хепсу отвернулся от долины. Туда очень захотелось вернуться, потому что вперед даже смотреть было тошно... Внизу, от подножий холмов, тоже тянулась в слитую с серым небом бесконечность долина. Только такая же серая, как и небо; лишь гораздо темнее его, грязнее, кажущаяся сверху рябой и шероховатой от бесчисленных каменных россыпей, избороздивших ее рвов да извилистых трещин.

Неужели за этой пустыней и находится край земли, то самое бездонное и безбрежное озеро, о котором говорит Учитель, к которому идут они уже сорок бессонниц? Может, Ачаду ошибся в своих измышлениях, и край земли – вот он: уходящая влево и вправо гряда лысых холмов? Что, если эти холмы и ограничивают невообразимо огромный земной круг, в который так истово верит Ачаду, а вместо бездонного озера вокруг земли – рябая серая пустыня?.. Стоит ли сказать об этой догадке Учителю, или же лучше промолчать, чтобы не рассердить его еще больше?

А где же Учитель? Мальчик пробежался взглядом по склону и заметил быстро движущуюся фигурку Ачаду на самом уже подножье холма. Хепсу поддернул лямки мешка и ринулся вниз по склону, выбивая серо-бурую пыль из сухой, полумертвой земли.

– Учитель! Ачаду! Подожди!..

Фигурка далеко внизу не замедлила шага. Рискуя оступиться и полететь кубарем, мальчик отдался силе тяготения, стремительно перебирая ногами.

Ачаду все-таки остановился и, не снимая с плеч огромного тюка, лишь поставив на землю мешок со снедью, присел на плоский камень. Из-под густых черных бровей, нелепых в окружении абсолютно белого нимба густой шевелюры, плавно переходящей снизу в бороду, он с плохо скрываемой тревогой наблюдал за бешеным спуском ученика. Вот Хепсу споткнулся, и сердце Ачаду екнуло... Но мальчику чудом удалось восстановить равновесие, не замедляя бега. Да и замедлить его было бы уже невозможно до самого низу, любая попытка остановиться на склоне привела бы Хепсу к падению.

Но все обошлось. Запыхавшийся, с дрожащими от напряжения и страха коленями, мальчик подошел к Учителю, на угрюмом лице которого не осталось уже и тени недавней тревоги.

– Если бы ты сейчас разбился, я не задержался бы и на пару вдохов, – все же выдавил Ачаду.

Хепсу опустил голову. Учителя это разозлило.

– Что ты молчишь?! Ты ведешь себя безрассудно! Зачем ты увязался за мной? – Последний вопрос Ачаду задавал ученику сотню уже, наверное, раз за все сорок бессонниц пути.

– Ничего... – невпопад ответил мальчик. – Ты иди, я пойду следом и не стану тебе мешать. – Хепсу тоже повторил эту фразу за время пути далеко не в первый раз.

– Возвращайся, – сердито, но уже без злости сказал Ачаду. – Это твой последний шанс добраться до дома. Дорогу ты помнишь, еду легко сможешь добыть и в долине, и в горах,

тем более – в лесу. Воду там тоже легко найти. А здесь, – Учитель ткнул пальцем на серую пыль под ногами, – еды, а тем более воды, нету наверняка! Твоих запасов не хватит и на пару бессонниц. Розалики протухнут уже после первого сна, так что придется съесть их сегодня. На завтра тебе останутся только лишь одни корешки.

– Их много! – потряхнул мешком Хепсу.

– Без воды ты их много не съешь, а вода у тебя тоже завтра кончится, если не выпьешь всю сегодня.

Ачаду будто нарочно говорил «у тебя», «твои запасы», словно подчеркивая этим, что своими запасами воды и еды делиться с мальчиком не намерен. Он будто бы повторял ему в очередной раз: «Дойти до края земли – моя единственная мечта, и я сделаю все, чтобы увидеть воды бездонного озера, для чего не поступлюсь ничем, даже самой своей жизнью, а уж тем более твоей, хоть ты и не возрасту упрям».

– Я пойду за тобой, – повторил мальчик, не осмелившись посмотреть в глаза Учителю. – Буду идти, сколько смогу. А если умру... Пусть! Никто не заплачет.

Ачаду скрипнул зубами. Отец Хепсу погиб на охоте, когда мальчик был еще несмышленьким, мать умерла три сотни междусоний назад. Плакать по нему и впрямь было некому. Как и по самому Ачаду. Жена бросила его, когда началась травля... Он потерял уважение жителей родного селения, его лишили права быть Учителем. За что? Всего лишь за измышления, за идеи, неожиданно пришедшие в голову и не пожелавшие из нее уходить. Ну и за то, конечно, что он делился этими идеями с учениками.

Теперь он просто обязан был доказать, что говорил правду! Доказать всем, а в первую очередь – себе. Доказать, или умереть. Другого выхода не было.

Если земля не бесконечна, если она имеет край, как вещал он ученикам, – то он дойдет до этого края. Или умрет. Вот и все. Очень просто. Было бы просто, если б не Хепсу! Парень поверил ему сразу и даже после отлучения Ачаду от преподавания не оставил своего Учителя. Это приятно, от этого – слезный ком в горле, но... Эх, надо было уйти тихо, во время сна! Зачем было становиться в позу, кричать с новостной башни на все селение о походе за истиной? Хотел таким образом хоть частично смыть позор унижения? А получил обузу, ответственность за чужую жизнь... И почему он не прогнал мальчишку сразу? Надо было поступиться дурацкими принципами: накричать – грубо, непотребно, злобно, даже ударить!.. Пусть бы последний ученик разочаровался в Учителе, зато бы остался жив!

Ачаду поймал себя на том, что непроизвольно поглаживает маленький круглый камешек, висевший на груди на тонком кожаном ремешке. Прозрачный как вода камень, оправленный желтым металлом, неожиданно дал старейшина перед самым уходом Ачаду из селения. Протянул подарок спустившемуся с новостной башни Учителю: «Возьми, он поможет тебе в пути. Повесь на шею и никогда не снимай». Странно. Ведь старейшина являлся зачинщиком травли против Ачаду... Может, его затерзала совесть? Вряд ли. И все же Учитель не отказался от подарка. Молча взял и повесил на шею. Теперь он и сам удивлялся, почему поступил именно так.

Для сна путники сделали остановку, когда гряда холмов превратилась в тонкую цепочку подернутых дымкой бусинок, вытянувшуюся поперек всей видимой бесконечности из тумана в туман. Правда, Ачаду верил, что там, по обе стороны далекого тумана, бесконечность все же имеет границы. Хотя нет, бесконечность не может иметь границ, она продолжается дальше, в безбрежном озере, но границы есть у земли. У этой земли.

Хорошо, что Ачаду не осмелился поделиться ни с кем еще одним измышлением. На это он все же не сумел решиться. Данное измышление повергало в трепет даже его самого; неизвестно, что бы с ним стало, поделись он этим с учениками!..

Когда к нему впервые пришла эта идея, Ачаду чуть было сам не поверил в собственное безумие. Но потом, размышляя еще и еще, идея, хоть и казавшаяся все еще нелепой, уже не так пугала его. Но он все равно запретил себе оглашать это измышление и сдержался. Сейчас же, растянувшись на тонкой подстилке, сквозь ткань которой острые камешки досаждали телу и мешали заснуть, Ачаду вновь поднял запретную идею с самого дна сознания и стал в который раз прокручивать ее в голове.

Идея состояла в следующем. Если земля имеет границы и лежит в бесконечном озере подобно острову, почему бы в этом озере не быть и другим островам? Мало того, в бесконечности их и должно быть бесконечное количество! А раз так, то почему бы на этих островах не жить другим людям? Или даже не людям в полном смысле этого слова, но существам, обладающим разумом? Напротив, было бы удивительно, если бы земля оказалась единственным островком в бесконечности. У бесконечности не может быть исключений!

Хуже получалось с другим измышлением. Почему его теория хорошо ложится на плоскость, но никак не согласуется с объемом? Ведь он допускает наличие бесконечных земель только в двух измерениях. Но по его же теории бесконечное озеро в то же время и бездонное, то есть бесконечность простирается и вниз. То же можно смело утверждать и о небе. Но это-то как раз и становится главным противоречием, не позволяющим бесконечным землям находиться также внизу и вверху... Ведь если озеро бесконечно продолжается вниз, там не может начинаться другое небо над другим озером, равно как и в бесконечном небе сверху не может по определению найтись места иному озеру под иным небом! Ачаду невольно стал всматриваться в бесконечно высокое светло-серое небо, словно выискивая в нем новое бесконечное озеро под еще одним бесконечным небом над очередным бесконечным озером...

Закружив себе голову вложенными друг в друга бесконечностями, Ачаду не заметил, как заснул.

Всю вторую бессонницу искатели края земли прошагали молча. Теперь уже и холмы утонули в дымке. Вокруг была все та же каменистая пустыня. Теперь Хепсу был почти уверен, что Учитель ошибся, и как раз эта именно пустыня, а не какое-то озеро, и является бесконечной, а уже на ней и лежит конечная, окруженная цепью холмов земля. Но сказать о своей догадке Учителю он так и не решился.

Последние, уже начинающие пахнуть тушки розаликов они доели в первую половину бессонницы – хранить их дальше становилось бессмысленным и даже опасным, ведь даже костра в этом царстве камней и пыли развести было не на чем, а отравиться тухлыми сырыми розаликами было раз плюнуть.

Во вторую половину бессонницы, как и предсказывал ранее Ачаду, у Хепсу закончилась вода. Сначала он не подал виду, что расстроился, но утомительное шаганье по каменистой пыльной равнине отнюдь не являлось панацеей от жажды. Скорее, напротив. Хепсу хотел пить все сильнее и сильнее. Скоро уже чувство, близкое к панике, посетило его мозг. Хепсу понял, что даже еще одной бессонницы он не протянет без воды. Что делать? Попросить у Ачаду? Нет! Лучше смерть! Да Учитель и сам прикладывается к фляге все реже и реже, бережет последние глотки... Повернуть назад? Но до зеленой долины две бессонницы пути! Он не пройдет их точно, лишь покажет Учителю свою слабость, но все равно погибнет. Смерть – и так, и так. Но лучше уж умереть достойно.

К счастью, Учитель наконец остановился и объявил время сна. Во сне хоть не хочется пить.

Хепсу заснул сразу, упав на землю даже без подстилки. Во сне он увидел бесконечное озеро и стал жадно пить из него, встав на четвереньки.

Проснулся мальчик оттого, что рот его наполнился влагой. Хепсу машинально сглотнул. Теплая вода показалась ему вкуснейшим из напитков, которые он пробовал ранее. Хепсу открыл глаза. Над собой он увидел светлый нимб волос Учителя. Тот, заметив, что мальчик проснулся, убрал в мешок флягу и, как показалось Хепсу, смутился.

– Ты сильно стонал во сне, – сказал Ачаду, – просил пить... Сможешь подняться?

Хепсу прислушался к своему телу. Ничего не болело, но даже пошевелить рукой оказалось трудно. Организм протестовал от одной мысли, что нужно подниматься и куда-то идти.

– Мы спали так мало, – с мольбой посмотрел на Учителя мальчик. – Можно я посплю еще немного?

Ачаду покачал головой:

– Ты спал очень долго. Я боялся, что ты уже не проснешься. Надо вставать и идти. Если ты не сможешь... мне придется идти одному.

Хепсу зажмурился, словно ожидая боли, и подтянул к животу колени. Перевалился набок, с большим трудом встал на четвереньки. Сделав несколько глубоких вдохов, со стоном выпрямился, все еще стоя на коленях. Ачаду молча протянул руку. Хепсу ухватился за нее обеими ладонями, и Учитель поднял мальчика на ноги. Того немилосердно шатало. Камни кружились перед глазами и плыли по серой пыли, подобно рыбацким лодкам из выделанных шкур по озерной глади.

– Сможешь идти? – нахмурил черные брови Учитель.

– Смогу... – прошептал Хепсу. Но Ачаду, посмотрев на мальчика, нахмурился еще больше. Не вынимая руки из ладоней ученика, свободной рукой он полез в мешок и снова достал флягу. Встряхнул ее, прислушиваясь. В деревянной емкости, обтянутой кожей, еле слышно булькнуло.

– Здесь один глоток, – протянул флягу Учитель. – Пей и пошли. Или оставайся. Но тогда ты умрешь.

– Если пойду, я тоже умру, – отвел глаза от фляги Хепсу.

– Наверно, да. Но у тебя будет шанс дойти до озера и напиться.

– Нет никакого озера! – наконец осмелился мальчик озвучить свое измышление. – Вместо озера – эта пустыня! Она бесконечна... Нам никуда не дойти.

Хепсу ожидал, что Учитель рассердится. Но тот лишь усмехнулся.

– Оглянись назад. – Мальчик послушно повернул голову. – Теперь посмотри вперед. Внимательно. Видишь какую-нибудь разницу?

И Хепсу увидел разницу. Позади пустыня еле заметно, очень полого, но все же вздымалась к высокому небу, тая в далекой туманной дымке. Впереди, так же полого, равнина клонилась вниз.

Хепсу так и сказал Учителю.

– Если бы пустыня была бесконечной, – ответил на это Ачаду, – она оставалась бы ровной. А так она понижается к озеру.

Мальчику объяснение Учителя не показалось очевидным, но он промолчал. Его порадовало уже то, что идти придется вниз, что облегчит путь. Хотя прошлую бессонницу они, выходит, тоже постепенно спускались, но натруженные ноги этого совсем не заметили.

– Пей! – повторил Ачаду, тряхнув жалко булькнувшей флягой. – И пошли.

Хепсу сам не заметил, как руки его, выпустив наконец ладонь Учителя, вцепились в обтянутую кожей деревяшку и поднесли ее горлышко к губам. Тонкая струйка смочила шершавый язык, скользнула по пищеводу и словно испарилась, не достигнув, казалось, желудка. И все-таки этот глоток оказал свое целебное действие; камни перестали качаться, в тело неохотно вернулись некоторые силы. Мальчик поискал глазами мешок.

– Он у меня, – заметил беспокойство ученика Ачаду. – В нем почти пусто, и я положил его в свой. Пошли!

– А дусос?! Ты не выбросил дусос?

– Трубки, воткнутые в деревяшку? Зачем они тебе?.. – Учитель пожал плечами, но мальчик, сжав губы, молчал. – Впрочем, они не тяжелые. На месте твой дусос. Идем!

Чем дальше шел этой бессонницей Хепсу, тем идти становилось, на удивление, легче. Вроде бы и наклон исчез, пустыня вновь стала ровной, зато сильно поредели камни, которые не мешали более шагать. Да и под ногами была уже не серая пыль на жесткой почве, а мягкий, неглубокий песок желтовато-серого оттенка.

И все же мальчик стал отставать от Учителя. Как ни старался он прибавить шаг, фигура Ачаду впереди, чуть согнутая под тяжестью объемного тюка, становилась все меньше и меньше. Хепсу стало вдруг очень страшно, что он останется один среди песка и редких камней под бесконечно высоким небом. Собравшись с силами, он побежал. Но не успел сделать и нескольких шагов, как, сильно оттолкнувшись, почувствовал, что нога, потеряв опору, заскользила назад. Мальчик неуклюже рухнул лицом в песок, не успев вытянуть руки. Он тут же вскочил и недоуменно посмотрел на черный мазок, оставленный подошвой на песке. Сел на корточки, провел по черной полосе ладонью. Рука не почувствовала ни тепла, ни холода, под ладонью было так гладко, словно он провел ею по затвердевшему воздуху. Хепсу двумя руками раздвинул песок, сделав странную полосу шире. Ему показалось вдруг, что в невероятно глубокой черноте что-то есть. Почувствовав, как неприятный холодок пробежал вдоль хребта и встопорщил волосы на затылке, мальчик тем не менее, словно замороженный, опустился на колени, а потом и вовсе лег, склонив лицо к тревожно манящей черноте. И он неожиданно понял, что под ним пустота! Жуткая пустота, по-настоящему бесконечная, бесконечней, чем небо! Но в далекой-далекой глубине он увидел множество маленьких ярких точек, даже не точек – пылинок, будто просыпал кто-то в глубокий черный омут светящуюся муку.

Очарованный увиденным, Хепсу забыл обо всем и даже взвизгнул, когда на его плечо опустилась ладонь Учителя.

– Я вернулся к тебе в последний раз, – грустно сказал Ачаду. – Ты не можешь идти. Я не могу тебя нести...

– Да нет же, Учитель! – вскочил на ноги мальчик. – Я могу идти. Но ты посмотри, что там!

Ачаду недоверчиво склонился над черной проплешиной в песке. Затем так же, как до этого Хепсу, опустился на колени, а потом и лег, приблизив лицо к удивительно гладкой поверхностью, скрывающей под собой неведомое чудо. Так он лежал, не шелохнувшись, очень долго. Наконец поднял голову, покрутил ею, словно приходя в себя. Сел.

– Не понимаю... – выдавил он севшим голосом.

– Может быть, это... озеро? – прошептал Хепсу.

– Что? – восторженно Ачаду, будто проснувшись.

– Озеро... То, куда мы идем.

– Под нами? Почему? А где вода? – казалось, растерянный Учитель сам превратился в ученика.

– Не знаю, – пожал плечами мальчик. – Это же необычное озеро. Бездонное и безбрежное...

– Да-да, ты прав! – вскочил на ноги Ачаду. – Это может быть только оно! Мы дошли! Мы уже идем по нему! Только вода в нем твердая, поэтому на ней держится песок. Но ты заметил, что наклона больше нет?

Хепсу кивнул.

– И слой песка уже очень тонкий, – возбужденно продолжил Учитель. – Скоро он совсем кончится, и мы увидим, что земля имеет край!

Мальчик вдруг погрузнел и опустил голову.

– Но если вода в озере твердая, мы не сможем напиться...

– Погоди, надо идти, пока не кончится песок! Может быть, дальше начнется обычная вода. Но даже если и нет... Главное дойти! Ведь мы же стремились именно к этому?

Хепсу кивнул. Из глаза выкатилась слезинка, и он еще ниже опустил голову.

Глава 3

Вот оно – безбрежное озеро! Путники стояли на маленьком песчаном холмике, последнем островке песчаной равнины. Позади них равнина не была уже однотонной и равномерно песчаной – тут и там ее поверхность разрывали черные кляксы, как совсем небольшие, так и огромные, размером с маленькие озера. Но здесь песок заканчивался, впереди зияла бескрайняя чернота. Казалось, что Ачаду и Хепсу стоят на краю бездонной пропасти, в глубине которой застыла сияющая взвесь.

– Мы дошли... – зачарованно выдохнул Хепсу.

Ачаду только кивнул, восторг, заполнивший душу и сердце, лишил его на время речи.

Хепсу осторожно, как пробуют воду купальщики, коснулся пальцами ноги черной поверхности. Нога наткнулась на твердую, гладкую преграду, такую же гладкую, не теплую и не холодную, как и там, где он поскользнулся. Мальчик собрался с духом и шагнул вперед. И... сразу упал. Он отчаянно забарахтался, пытаясь подняться, но ничего у него не вышло. На черной поверхности, казалось, полностью отсутствовала сила трения. Собственно, так оно и было.

Хепсу испуганно заскулил. Этот звук вывел наконец Учителя из состояния восторженной отреченности. Он ринулся было вперед, на помощь ученику, занес уже ногу над пыльной внутри глубиной, но крик Хепсу заставил его остановиться.

– Нет! Учитель, нет! Ты тоже не сможешь!..

Лишь тогда к Ачаду полностью вернулся разум. Он сбросил с плеч тяжелый тюк, развязал его и вынул плоскую деревянную палку, сужающуюся с одного конца. Хепсу, перестав бессмысленно барахтаться, с надеждой и тревогой следил за действиями Учителя.

«Так это же весло! – дошло до мальчика предназначение длинной широкой деревяшки. – Значит, в этом тюке Ачаду тащил лодку?..»

Учитель протянул весло Хепсу. Тот ухватился за его широкий конец. Ачаду потянул. И с ужасом почувствовал, как песок под ногами стал осыпаться, разъезжаться, – еще мгновение, и Ачаду оказался бы рядом с учеником на сверхскользящей черноте. К счастью, начав уже скользить одной ногой, Учитель упал на спину. Движение прекратилось. Весло осталось в руках мальчика.

Осторожно, стараясь не делать резких движений, Ачаду перевернулся на живот и отполз чуть дальше, где слой песка был достаточно толстым. Только тогда поднялся на ноги и посмотрел на ученика. Тот судорожно сжимал обеими руками весло, словно оно было единственным и последним, что связывало его с землей.

Ачаду задумался. Он не допускал даже и мысли, что не сможет вытащить ученика. Глупость какая, ведь вот он, совсем рядом – не тонет, не вязнет, ничего с ним плохого не происходит... Кроме того, что не может ни встать, ни ползти.

Отсюда, где стоял сейчас Ачаду, он, пожалуй, легко смог бы вытащить мальчика, не рискуя, что песок под ногами осыплется. Но длины весла для этого не хватит. Вот если связать оба весла... Только чем?

Постоянная температура земли, абсолютно комфортная для людей, не создавала нужды в одежде. Здесь никогда не было ночи, не было смены времен года... Как и все прочие, Ачаду и Хепсу носили лишь тряпичные повязки на бедрах. Даже обуви они не знали – толстая грубая кожа подошв хорошо предохраняла ступни.

Как раз о набедренной повязке и подумал Учитель, ею прекрасно можно было связать весла. Стесняться тут все равно некого.

– Кидай весло! – крикнул он мальчику.

Хепсу размахнулся и отбросил весло Учителю. Оно упало в двух шагах от Ачаду. Тот, не решаясь сделать эти опасные пару шагов, опустился на колени и сумел дотянуться до весла. Обрадованный этим маленьким достижением, он не сразу обратил внимание на испуганные возгласы ученика. Впрочем, тот даже не кричал, а тихонько повизгивал – скорее не испуганно, а удивленно.

Когда Ачаду снова поднялся на ноги и обратил наконец на эти звуки внимание, он только изумленно ахнул – мальчик скользил над черной пропастью прочь от берега.

Ачаду упал на колени и с остервенением вцепился в волосы.

– Я безмозглое животное! Не зря меня лишили права быть Учителем! Как я мог не подумать?! Действие равно противодействию – ведь я сам учил этому детей!.. Здесь же нет силы трения, Хепсу никогда не остановится!

Мальчика и впрямь уносило все дальше и дальше, хотя скорость его движения была и не очень большой.

Ачаду вновь вскочил на ноги. Решение пришло в голову быстро. Надо только надуть скорее лодку! Правда, весла тут будут бесполезны, но надо лишь использовать тот же закон, что унес Хепсу. Для этого вполне подойдут камни! Много камней.

Ачаду бросился в пустыню. К сожалению, здесь, на самом краю земли, камней не было, всюду желтел один лишь песок с бездонными черными проплешинами. Пришлось уйти довольно далеко, пока Ачаду смог набрать два мешка – свой и Хепсу – камнями, безжалостно высыпав остатки корений, все равно бесполезных без воды.

Вернувшись назад, он развернул сшитую из тонких, но прочных шкур лодку, принялся надувать ее, постоянно поглядывая на превратившегося уже в маленькое светлое пятнышко Хепсу.

Надуть большую лодку оказалось делом не быстрым и вовсе не легким. К тому же ужасно хотелось пить. Почти до обморока.

«А зачем я делаю это? – мелькнула вдруг очень здравая мысль. – Даже если я доберусь до Хепсу, втащу его в лодку, даже если мы вернемся к берегу, что это даст? Ведь все равно нам не дойти до зеленой долины, где есть вода и пища. Все равно мы погибнем, не в эту бессонницу, так в следующую...»

И все-таки Ачаду продолжал надувать лодку. Голова кружилась, в глазах вспыхивали огоньки. А он все дул и дул. Когда лодка была готова для спуска на «воду», Ачаду на какое-то время отключился. Когда же пришел в себя и посмотрел в черную даль, никак не думал, что увидит Хепсу. На удивление, он нашел светлое пятнышко сразу. Учителю показалось даже, что оно стало больше, словно Хепсу перестал удаляться, а напротив, двигался к земле. Но этого быть не могло, поэтому Ачаду списал все на усталость и жажду. Да и сравнить размер пятнышка, бывшего мальчиком, на однородной черноте было все равно не с чем.

Ачаду погрузил мешки с камнями в лодку и, осторожно толкая надувное судно перед собой, на четвереньках двинулся к черному «озеру». Когда треть лодочного днища опустилась на черную гладь, Учитель медленно, боясь невзначай толкнуть и выпустить лодку, перевалился через ее невысокий, вздутый толстой колбаской борт и сел. Подняться на ноги он опасался, и, наверное, не зря. Поднял одно из весел, которые положил-таки в лодку на всякий случай, и сильно оттолкнулся им от песка. Тот зашуршал под днищем, лодка подалась сначала с некоторым усилием, но, оказавшись полностью в черноте, резво заскользила вдаль от берега.

Теперь Ачаду боялся лишь одного: проскочить мимо Хепсу. Но для этого-то он и набрал побольше камней различного веса. Оставалось надеяться, что их хватит для маневров.

Мальчика Учитель не выпускал из виду. Израсходовав всего два небольших камня, с силой отброшенных в сторону, противоположную цели, Ачаду удалось направить лодку прямо на Хепсу. Теперь, чтобы затормозить, нужно было стать очень аккуратным и точным – ведь кидать камни требовалось в сторону мальчика и, чтобы не попасть в него, их следовало непременно через него перебросить. Поэтому Ачаду выждал, пока расстояние между лодкой и Хепсу не сократилось настолько, чтобы быть уверенным в собственных силах.

Первый брошенный камень едва не задел мальчика, зато скорость лодки заметно снизилась. Вторым Учитель выбрал совсем небольшой камешек, зато швырнул его с большей силой. Надувное суденышко почти остановилось. Ачаду стал ждать, пока оно не приблизится вплотную к Хепсу.

Вглядываясь в неподвижное тело мальчика, Учитель почувствовал сильную тревогу: ему показалось, что Хепсу мертв. На самом деле измученный страхом и жаждой мальчишка спал. Но когда лодка ткнулась в него упругим боком, он сразу раскрыл глаза – круглые и невероятно огромные от нахлынувшего ужаса. Но, увидев над собой белую бороду Учителя, Хепсу радостно закричал.

Ачаду хотел было подать мальчику весло, но понял, что парень сильно ослаб и вряд ли его удержит. Тогда он осторожно перегнулся за борт, одной рукой вцепился в веревку, закрепленную вдоль бортов лодки, второй подцепил Хепсу за набедренную повязку. Силы Ачаду тоже были на исходе, но ему все же удалось приподнять мальчишку и перевалить через борт.

По щекам Хепсу текли слезы. Испуг, отчаяние, сменившиеся надеждой, а теперь и спасением, нашли наконец выход в громких рыданиях.

– Ну, ну... – пробормотал Ачаду. – Не трать попусту влагу. Все позади... – И сам тут же подумал: «А что позади? Да, мы сможем вернуться к земле, камней для этого хватит, а что дальше? Смерть все равно нас догонит, даже если мы поплывем прочь от земли». Словно проверяя смысл этой идеи, он посмотрел в черную даль. Гладкое полотно безводного, бездонного и безбрежного «озера» далеко-далеко скрывалось в туманной дымке. Учитель, разумеется, знал, что эффект дымки дает обыкновенный воздух, делавшийся видимым на протяжении огромного расстояния.

«Интересно, – подумал Ачаду, – если бы воздуха не было, смогли бы мы увидеть другие земли? Ведь черное «озеро», на котором лежит наша земля и обязательно должны лежать иные земли, абсолютно плоское... Подожди, – оборвал свои измышления Учитель. – А кто тебе сказал, что оно обязательно плоское? А что если не имеющая трения чернота – это поверхность... сферы?»

Несмотря на обезвоженность организма, лоб Ачаду покрылся испариной. Новая идея озарила его. Ну конечно же, это сфера! Мы живем на огромной-огромной сфере – огромной настолько, что кривизны ее поверхности просто не замечаем! И внутри этой сферы, – Ачаду посмотрел вниз, на светящуюся пыль, – находятся иные сферы, меньшие по размеру, но тоже огромные, которые и видятся отсюда точками! Внутри этих сфер есть свои, еще меньшие, и так почти до бесконечности, до самой маленькой составляющей вещества, а может и еще глубже, ведь что такое бесконечность – неведомо никому!

Учитель поднял глаза к небу. Новое измышление нашло продолжение и в таком измерении: ведь если внутри этой сферы есть другие, то и данная сфера, вместе с другими подобными, может входить в сферу, намного большую, та, в свою очередь, еще в более огромную – и вот тут-то бесконечность и впрямь не имела границ...

Загадка о верхе и низе, мучившая Учителя перед позапрошлым сном, нашла красивое решение, которое объясняло все. Ачаду был почти уверен в правильности новой теории, которая не отметала, между прочим, его измышления о многочисленных землях на поверх-

ности... теперь уже не плоскости, а сферы. А поскольку сфер оказалось бесчисленное множество, то и новых земель – во столько же раз больше!

Учитель рассмеялся, попробовав умножить огромное количество на бесконечное множество. Хепсу, уже переставший плакать, поднял на него удивленные глаза. Ачаду потрепал мальчика за плечо.

– Мы умрем? – спросил вдруг Хепсу. Это были его первые слова после спасения.

– Думаю, да, – не стал обманывать ученика Учитель. – Но мы можем совершить последнее путешествие, самое удивительное в нашей жизни!.. Мы уже находимся с тобой за краем земли. Как ты смотришь на то, чтобы отправиться еще дальше?

– Ничего не получится, – покачал головой мальчик. – Земля вернет нас к себе.

– Что ты говоришь? – насупил черные, как гладь «озера», брови Учитель. – Каким образом?

– Не знаю... Но когда я скользил от берега, то думал сначала тоже, что буду скользить так вечно. А потом увидел, что земля перестала отдаляться. Я уже стал засыпать, но мне показалось, что берег снова стал ближе...

Ачаду вспомнил, что и ему, когда он садился в лодку, показалось, будто мальчик стал ближе к берегу. И вновь пришедшая на ум догадка заставила Учителя охнуть от стыда. Да как же так, ведь он знал, он не раз объяснял это ученикам! Тела притягиваются друг к другу! И чем больше масса тела, тем сила притяжения больше. Какова же масса земли? Огромна! Разумеется, она притягивала к себе Хепсу, тем более – сила трения отсутствовала! Притянет она и лодку... Но! Ачаду знал и то, что сила притяжения уменьшается с расстоянием.

– Хепсу, мальчик мой! – дрогнувшим голосом произнес Учитель. – Ты поистине самый лучший, самый талантливый и умный мой ученик. Ты, конечно же, прав. Даже я забыл про это! И все же, если мы будем кидать камни, как только лодка станет замедлять ход, мы можем вырваться из сферы притяжения земли. Так я думаю.

– А если нам не хватит на это камней?

– Тогда наши тела вернутся когда-нибудь к земле.

– А если там, где земля уже ничего не притягивает, не будет не только воды, но и воздуха? – задал совершенно неожиданный для Учителя вопрос ученик.

– Почему?... – начал было Ачаду, и вновь понял, что потерял былую остроту ума. Ну, конечно же!.. Впрочем, Хепсу тоже нашел нужный ответ:

– Потому что земля притягивает к себе воздух. А там, дальше, воздух притягивает только чернота, но она скользкая, и воздух будет скользить к большим массам – к нашей земле или к другим землям.

– Что?! – встрепенулся Ачаду. – Откуда ты знаешь про другие земли?

Мальчик вдруг вздрогнул и покраснел.

– Я не должен этого никому говорить... – опустил он голову.

– Мы все равно умрем, никто ничего не узнает, – сказал Учитель, хотя никак не мог взять в толк, что имеет в виду Хепсу.

– Ладно, – еле слышно прошептал ученик. – Сейчас, наверное, можно... Ты помнишь моего отца?

– Да, конечно, – кивнул Ачаду. – Он пришел в наше селение издалека, быстро прижился, взял в жены твою мать, очень красивую тогда... А потом он погиб во время охоты. Пропал в лесу. Другие охотники искали его несколько междусоний, но не нашли даже косточек. Ты же знаешь, сколько зверей в наших лесах!..

– Ты знаешь не все. Мне рассказывала мама, будто мой отец говорил, что он – не с этой земли. Он приплыл на большой лодке, стал жить с нами, но очень скучал по дому. Просил маму, чтобы она вместе со мной поплыла с ним на его землю. Но мама не захотела, испугалась, да и не очень верила во все это. Зато она сильно любила моего отца и не могла

смотреть, как он тоскует. И отпустила его. Но отец запретил говорить, кто он такой и откуда, и сказал маме: пусть все думают, что он погиб на охоте.

Хепсу замолчал. Ачаду молчал тоже – ошарашенный услышанным. Наконец он разлепил губы:

– Так вот почему ты увязался за мной!..

Хепсу кивнул.

– Да, но я не сказал еще самого главного. Я и сам не верю в это, мама тоже не верила, но все-таки сохранила вот что... – Мальчик сунул руку за набедренную повязку и вынул из ее складок светлый кружок с красным пятнышком посередине.

– Что это такое? – ахнул Учитель, глядя во все глаза, как загадочно светится алый камешек на блестящем диске, лежащем на ладони Хепсу. Ачаду протянул руку, и мальчик передал ему камень в странной оправе. Прикоснувшись к диковине, Учитель свел брови. Что-то она ему неожиданно напомнила... Рука Ачаду легла на грудь. Пальцы нащупали гладкую бусинку. Учитель поднес подарок старейшины к глазам. Перевел взгляд на кругляш Хепсу. Нет, непохоже. У него камень совсем маленький и прозрачный, а этот – пылает огнем. И диск – необычный, блестящий, похож на металл, но на ощупь – теплый и... будто живой. Его камень – это просто украшение, талисман, а вот у мальчика...

– Что это? – повторил он.

– Мама говорила, что отец называл это «ма-як», – мальчик выговорил последнее слово по слогам. – Я не знаю, что это значит. Но отец дал это маме и сказал, если она передумает, пусть нажмет на красный камень, тогда он приплывет за ней. Мама сильно скучала по моему отцу. Но она не верила, что земля имеет край. Она перестала верить и в то, что отец приплыл с другой земли. Мама убедила себя, что он и правда погиб на охоте. Но мне она рассказала все, и передала «маяк» перед смертью.

– Значит, другие земли все-таки есть! – воздел к небу руки Учитель. – Значит, я был прав!

– Ты знал об этом?! – настал черед удивляться мальчику.

– Я не знал наверняка. Но это было главное мое измышление. Я не говорил о нем никому. И вот – доказательство...

– Но может, все это неправда! Даже мама не верила.

– Мы можем проверить.

– Ты думаешь, он приплывет?

Ачаду промолчал. Он не знал. А еще он подумал, что даже если все правда, то путь от чужой земли может оказаться столь долгим, что они все равно не дождутся отца Хепсу.

Мальчик подумал о том же. И все-таки нажал на красный камень в середине блестящего круга.

Глава 4

Учитель и ученик спали. Возможно, это был уже тот самый сон, который плавно переходит в состояние, из которого нет пробуждения. Так бы, вероятно, и случилось с Ачаду и Хепсу. На жизнь у них сил все равно не осталось, на спасение не было надежды. Уснуть и не проснуться – это казалось обоим не худшим решением.

Однако в этот раз уйти в вечность им было не суждено. Первым проснулся Хепсу – от монотонного тонкого свиста. Сначала ему показалось, что из лодки выходит воздух, но оторвать голову от упруго-уютного борта он не сумел. Впрочем, мысли в голове еще шевелились, и мальчик подумал, что если бы лодка сдувалась, он бы это почувствовал – той же головой. Мысль эта была совсем посторонней, ненужной, чужой. Хепсу отнюдь не хотелось додумывать ее дальше. Он вновь смежил веки, стараясь не обращать на непонятный свист внимания. Но тот становился все громче, перешел уже в басовитое гудение. «Похоже на мой маленький дусос, – возникла еще одна мысль. – Но кто на нем может играть?»

Заворочался Учитель.

– Что это? – спросил он, прислушавшись.

Хепсу не ответил. Сил на это не было, да и ответа он все равно не знал.

Звук стал еще громче. Теперь он больше всего походил на шум горного ручья.

Ачаду, застонав, приподнялся и затуманенным взором стал искать источник звука. И сразу вздрогнул, напрягся, взгляд его моментально прояснился и застыл, устремленный в черную гладкую даль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.